

СВЯЩЕННИК НИКОЛАЙ ЛОССКИЙ

ОЧЕРК БОГОСЛОВИЯ ЛИТУРГИЧЕСКОЙ МУЗЫКИ

ПРАВОСЛАВНЫЙ ВЗГЛЯД

Николай Лосский

**Очерк богословия литургической
музыки. Православный взгляд**

Торговый Дом "Познание"

2002

УДК 281.93:783.2
ББК 86.372.24-85.313(2)

Лосский Н. В.

Очерк богословия литургической музыки. Православный взгляд /
Н. В. Лосский — Торговый Дом "Познание", 2002

ISBN 978-5-906960-85-6

В книге положено начало глубокому духовно-разумному осмыслению и переживанию феномена церковного слова, облеченного в литургическую форму богослужебной музыки Православной Церкви. В каком смысле можно говорить о «богословии» литургической музыки? Развивается ли канон и традиция литургической музыки или наша задача сохранять ее в неизменном виде, как сохраняется канон Божественной литургии? Что может считаться, по аналогии с иконописью, каноничным в церковном пении? И какова цель литургической музыки в Церкви? Автор, воспитанный на лучших образцах славянской традиции церковной музыки в ее русском варианте, опирается также на практику различных, преимущественно восточных, Церквей, пытаясь найти ответ на все эти вопросы, неизменно возникающие перед каждым, кому не чужд литургический опыт жизни в Церкви. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 281.93:783.2

ББК 86.372.24-85.313(2)

ISBN 978-5-906960-85-6

© Лосский Н. В., 2002

© Торговый Дом "Познание", 2002

Содержание

Предисловие к русскому изданию	6
Предисловие автора	7
Очерк богословия литургической музыки. Православный взгляд	8
Введение	8
Глава I	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Священник Николай Лосский Очерк богословия литургической музыки. Православный взгляд

Памяти Максима Ковалевского и Леонида Успенского

© Cerf, 2003

© Издательский дом «Познание», оформление, 2021

Предисловие к русскому изданию

Слава Богу, русский читатель наконец получил в руки уникальный труд известного православного богослова протоиерея Николая Лосского (сына философа-богослова Владимира Лосского): «Очерк богословия литургической музыки».

Православная богослужебная музыка – это, по сути, непостижимая христологическая мысль Церкви, «неслитно и нераздельно» облеченная в звуковое мелодическое «тело».

То, что православная церковная музыка, являясь достоянием Церкви, представляет собой часть ее Священного Предания, – в этом сходились многие выдающиеся деятели церковного пения (в частности, Захариас Пасхалидис, протопсалт Кафедрального собора свт. Григория Паламы в Салониках)¹. Но только в труде отца Николая имеет место серьезная попытка соотнесения богослужебной музыки с догматическим Преданием Церкви. В частности, автор усматривает связь между халкидонским догматом (Богочеловеческая Ипостась Бога Слова воплощенного) и освящением всей полноты человечества во Христе, а значит и всех христоподобных чувствований и творческих способностей человека – с освящением его музыкально-певческих даров.

Сам воплощенный Логос Божий соизволил воспеть голосом Богу Отцу в праздник Пасхи перед Своими крестными страданиями. Голос Христа, замечает протоиерей Николай Лосский, на иконах символически изображается как некое веяние ветра. Голос Его Отца понимают лишь те, кто принимает «Сына возлюбленного». Иные же слышат лишь удар грома (см. Ин. 12, 29). Этому голосу присуще некое Безмолвие, что можно отнести и к воплощенному голосу Христа, поскольку Его голос обожен. Отсюда требование «безмолвного» характера литургической музыки. Ведь сама таинственная христологическая и триадологическая мысль Церкви рождена святыми отцами из созерцательного молитвенного молчания.

В этой связи мысль отца Николая останавливает внимание читателя и на важном богослужебном феномене – «стирании» церковным словом самого музыкального элемента – мелодии, тонко подмеченном Преосвященным Иларионом (Алфеевым), митрополитом Волоколамским.

Немаловажно замечание автора и о том, что сами плоды музыкального творчества становятся церковными лишь при условии полного соответствия внутреннего мира творца мелодий миропониманию и вере Православной Церкви.

В очерке затрагивается и «обжигающий» вопрос использования в храме музыкальных инструментов и проблема творческого развития древних мелодий греческого Осьмогласия применительно к новым языкам, в частности французскому и английскому. В целом протоиерей Николай Лосский положил начало глубокому духовно-разумному осмыслению и переживанию феномена церковного слова, облеченного в литургическую форму богослужебной музыки Православной Церкви.

Митрополит ИОНАФАН (Елецких), кандидат богословия

---

¹ Пасхалидис З. Церковная византийская музыка. Краткая теория и практика. Москва, 2004.

Предисловие автора

Это скромное эссе представляет собой исполнение одного обещания. В самом деле, Леонид Успенский, будучи ответственным за меня в братстве святого Фотия, всегда говорил мне: «Я пишу о богословии иконы, а ты должен написать о богословии литургической музыки». Это он повторял мне до самой смерти. К сожалению, лишь спустя долгое время я смог взяться за эту работу, чтобы выполнить обещание, данное мной. Я хочу выразить здесь свою глубокую признательность прежде всего своему крестному – Максиму Ковалевскому, который научил меня всему в области литургического пения, а также Леониду Успенскому, который понял тесную связь, существующую между богословием иконы и литургическим пением, и, наконец, его жене Лидии Успенской, неустанно поддерживавшей меня в работе над этой сложной темой, которая, впрочем, становится популярной в сфере богословских размышлений.

Николай Лосский

23 июня 2002 г.

Пятидесятница по восточному календарю

Очерк богословия литургической музыки. Православный взгляд

Введение

В каком смысле можно говорить о «богословии» литургической музыки? Несомненно, музыка – это искусство, а не часть богословской науки. Нам кажется необходимым прежде всего поразмышлять о значении терминов.

Начнем с музыки. Всякий признает, что она восходит к области искусства. Некоторые даже утверждали, что она представляет собой искусство по преимуществу. Так, например, Уолтер Пэтер (1839–1894), английский писатель и известный критик, представитель так называемого декадентского периода британской литературы 70–80-х годов XIX века, провозгласил, что музыка – это вершина искусства, поскольку, по его словам, «всякое искусство постоянно стремится к положению, которое занимает музыка²». Во всякой другой области искусства, по его мнению, возможно различие между материей и формой, тогда как в музыке оно преодолевается. Вследствие этого она представляет собой вершину «искусства ради искусства» – идеал в понимании всякого искусства.

Даже если мы не разделяем этой «декадентской» концепции искусства, мы не можем не учитывать специфического характера музыки. В отличие от других форм искусства – таких как литература (проза, поэзия и драма), скульптура, живопись... – музыка существует, пока она звучит, если можно так выразиться. Быть может, еще танец – единственный род искусства, о котором можно сказать то же самое. Прочее же – живопись, скульптура и литература – обладают основой постоянного характера, тогда как музыка лишь преходяща, даже если в наши дни она существует в нотных и аудио-записях.

Сегодня мало кто станет попросту отрицать, что можно говорить о богословии живописи или скульптуры. XX век заново открыл богословие иконы. После некоторого размышления сюда же можно добавить литературу, особенно поэзию. Если мы пойдем еще дальше, к тому же добавится и танец, не говоря уже об архитектуре. Музыка?

Наша цель – говорить не о музыке вообще или просто о музыке как таковой, но о музыке литургической, то есть музыке определенного рода и специфики. Речь идет об «утилитарном», в некотором смысле, подходе к музыке, преследующем конкретную цель, коей не является простое исследование эстетической эмоции (без стремления, тем не менее, свести к минимуму или исключить понятие красоты; к этому мы еще вернемся). Эта музыка, как указывает ее название, связана с литургией. Но как можно рассматривать литургию вне связи с богословским содержанием?

Разумеется, – и мы это увидим, – термин и понятие «богословие» не должны здесь восприниматься в смысле, который это слово приобретает в разговоре о «догматическом богословии» или также о «систематическом богословии» (выражение, представляющееся мне, скорее, неудачным!) в образовательном контексте. Рассуждение о «богословии» литургической музыки представляет собой попытку установить связь между литургией и музыкой. Для кого-то такой связи не существует: можно совершать богослужение и без музыки, как на «тихих мессах».

---

² Pater W. The Renaissance. Studies in art and poetry. London, New York, 1888. P. 140.

И на этот раз XX век также дал импульс для развития относительно новой дисциплины, которую сегодня называют «литургическим богословием»³. В этой перспективе сама литургия является предметом, преподаваемым в рамках богословия, то есть не просто то, что говорят нам тексты (поэзия, гимнография) – что и так всегда присутствовало, – но сама структура богослужений, построение различных циклов (суточного, недельного, годового, неподвижного и подвижного).

Все это воспринимается как источник для богословского образования, так как главное богословское образование – это факт проживания богослужения – опыт, другими словами. Опыт же этот почти во всех религиозных традициях переживается посредством музыки, которая, вследствие этого, не является чем-то несущественным. Некоторым образом она настолько же связана с богословием, как и само богослужение.

Надо тут же уточнить, что я не выступаю ни в качестве историка музыки, ни в качестве музыковеда. В этих областях я полностью обязан заслугам специалистов, предоставивших мне результаты своих исследований. Что касается меня, то я говорю лишь как многолетний «практик» в области частной музыкальной традиции, в которой, благодаря своему крестному Максиму Ковалевскому, научившему меня всему, я всегда стремился к тому, чтобы музыка была прежде всего литургичной. Эта частная традиция, как мы увидим, – не только православная, но и, кроме того, славянского, русского происхождения. И говорю я именно о ней не по небрежению к другим традициям, вовсе нет, – но просто вследствие их незнания. Знание какой-либо музыкальной литургической традиции (византийской, григорианской или какой-то другой) предполагает наличие практики, поскольку речь идет, как мы увидим, об устной традиции. Я же был воспитан в практике славянского языка – в русском варианте его музыкального употребления.

В первую очередь в этом очерке нас интересует христианское богослужение и именно богослужение Церкви, которую принято обозначать термином (как мне кажется, неудачным) Церкви неразделенной⁴. Это не мешает равным образом видеть элементы собственно литургической музыки и в лоне других традиций, в частности иудейской, мусульманской, африканской, восточной (индуистской, буддистской и т. д.) традиций.

В этом тексте подробно будет обсуждаться проблема богослужения, его роль в жизни Церкви и верных ее чад. Особенно речь пойдет о связи между богослужением и богословием. И именно в свете этих размышлений мы рассмотрим роль и место музыки в литургической жизни, из чего станет очевидной (по крайней мере, я надеюсь на это) специфичность этой музыки, ее композиции и исполнения. *So help me God!* Да поможет мне Бог!

---

³ См. основной труд того, кто практически изобрел «литургическое богословие»: *Шмеман А., прот.* Введение в литургическое богословие. Париж, 1961.

⁴ Это выражение «неудачно», потому что обычно оно используется для обозначения Церкви до разделения, происшедшего во II-м тысячелетии между католиками (а значит, и с будущими протестантами) и православными, в их общей совокупности. Но исторически это неправильно, так как при этом забывается или «игнорируется» первый великий исторический раскол с так называемыми «восточными» православными, после Халкидонского собора. Впрочем, даже в апостольские времена бывали напряжения, конфликты и расколы. Это равным образом неточно и с точки зрения богословия, так как, хотя христиане и разделены. Но все те, кто употребляет Никео-Константинопольский Символ веры, исповедуют, что Церковь «едина», т. е. «нераздельна».

Глава I

Музыка и Седьмой Вселенский Собор

Может показаться странным разговор о музыке в связи со Вселенским Собором, о котором все знают, что он занимался проблемой икон и иконопочитания. Действительно, неоспоримо, что этот Собор главным образом обсуждал проблемы, поднятые нападениями на иконы и их уничтожением, то есть иконоборческим кризисом, и определение (орос) этого Собора касается, в основном, этого вопроса.

Прежде чем вспомнить те наиболее важные моменты решений, которые имеют отношение к нашему вопросу, наверное, будет полезным обратить внимание на тот факт, что Церковь, которая в ходе истории была наиболее верна Священному Преданию, имеет тенденцию как можно меньше высказываться, тяготея к некоторому умалчиванию. Таким способом выражается уважение к таинственному, «созерцательному» характеру христианской веры. Вселенский Собор был собран и выносил суждения, будучи, в некотором смысле, принужден к этому крайними обстоятельствами, когда под угрозой оказалась сама сердцевина христианской веры, заключающаяся в природе спасения, преподаваемого верным в таинстве Крещения и евхаристической жизни.

Учитывая, что Церковь созывает соборы, только когда возникает опасность удаления верных от исповедания или принятия полноты Откровения, приходится осознать, что икона составляет часть этой полноты и что без нее христианская вера оказалась бы поврежденной или, по крайней мере, ущербной. Следовательно, прежде, чем утверждать, как это некоторые делают в ходе курса истории христианства, что значение Седьмого Вселенского Собора скорее второстепенно или что он вообще был бесполезен, очень важно уделить внимание тому, что говорится в тексте определения (ороса) Собора и, таким образом, стремиться понять, в чем икона соприкасается с полнотой христианской веры. К тому же внимательное исследование текста позволит (по крайней мере, можно на это надеяться) увидеть, что то, что говорится об иконе, распространяется на самом деле и на другие формы искусства, используемые в богослужении⁵.

Вот несколько основных фрагментов текста ороса Седьмого Вселенского Собора⁶:

«Святой великий и вселенский, Божию милостию и по повелению благочестивых и христоролюбивых государей наших, Константина и матери его Ирины, созданный в славной митрополии никейской [...] в святой церкви Божией, называемой Софийской, следуя преданию Кафолической Церкви, определил следующее:

Христос Бог наш, даровавший нам свет познания и избавивший нас от мрака безумной приверженности идолам, обручивши Себе Кафолическую Церковь, не имеющую скверны или порока (см. Еф. 5, 27), обещал ей охранять ее и подтвердил это обещание ученикам Своим, говоря: Аз есмь с вами во вся дни до скончания века (Мф. 28, 20). Это обетование Он даровал не только им, но и нам, по их слову уверовавшим во Имя Его (см. Ин. 17, 20). И вот некоторые, оставив без внимания этот дар, как бы по возбуждению коварного врага, отпали от истинного учения; возстав против предания Кафолической Церкви, они погрешили в понимании истины. [...] Следуя людям нечестивым и руководясь своими помыслами, они оклеветали украшенную Христом Богом святую Церковь Его и не положили различия между святым и позорным (Иез.

---

⁵ О богословии иконы см. классический труд: *Успенский Л. А.* Богословие иконы Православной Церкви. Переславль, 1997. Нужно прочесть также великолепную работу кардинала Кристофа Шёнборна: *Шёнборн Х.* Икона Христа. Богословские основы. Милан, Москва, 1999. Интересно также сказано об иконе и Седьмом Вселенском соборе в «Катехизисе Католической Церкви», п. 1159–1162 (см.: Катехизис Католической Церкви, Москва, 2001. С. 284–285).

⁶ Цитируется по: Деяния Вселенских Соборов. Т. 7. Казань, 1909. С. 283–285.

22, 26); так что икону Господа и святых Его сочли за одно с истуканами сатанинских идолов. Поэтому Господь Бог, не терпящий зрети, чтобы покорные ему были заражаемы такою язвою, по Своей благодати, ревностию и повелением благочестивейших государей наших Константина и Ирины, отовсюду созвал сюда нас, представителей священства, да утвердится общим определением божественное предание Кафолической Церкви. Итак, мы исследовали и рассмотрели дело весьма тщательно и, следуя истине, ничего не убавляем, но сохраняем все, что есть в Церкви лучшего, и следуем святым шести Вселенским Соборам. [Здесь цитируется Никео-Цареградский Символ веры и подтверждаются анафематствования еретиков; Пресвятая Дева исповедуется Богородицею], – так как Она родила по плоти Единого от Святой Троицы, Христа Бога нашего [...] Мы исповедуем два естества в воплотившемся ради нас от непорочной Богородицы и Приснодевы Марии, признавая Его и совершенным Богом и совершенным человеком, как провозгласил это Собор, бывший в Халкидоне [...] Кратко сказать: сохраняем все церковные предания, утвержденные письменно или неписьменно. Одно из них заповедует делать живописные иконные изображения, так как это согласно с историею евангельской проповеди, служит подтверждением того, что Бог Слово истинно, а не призрачно вочеловечился, и служит на пользу нам, потому что такие вещи, которые взаимно друг друга объясняют, без сомнения и доказывают взаимно друг друга [= Евангелие и иконы].

Ил. 1

Симон Ушаков, Гурий Никитин и ученики. Седьмой Вселенский Собор. 1673 г. Москва, Смоленский собор Новодевичьего монастыря.

На таком основании мы, шествующие царским путем и следующие божественному учению святых отцов наших и преданию Кафолической Церкви, – ибо знаем, что в ней обитает Дух Святой, – со всяким тщанием и осмотрительностью определяем, чтобы святые и честные иконы предлагались (для поклонения) точно так же, как и изображение Честного и Животворящего Креста, будут ли они сделаны из красок или (мозаических) плиточек или из какого-

либо другого вещества, только бы сделаны были приличным образом, и будут ли находиться в святых церквах Божиих на священных сосудах и одеждах, на стенах и на дощечках, или в домах и при дорогах, а равно будут ли это иконы Господа и Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, или непорочной Владычицы нашей Святой Богородицы, или честных ангелов и всех святых и праведных мужей. Чем чаще при помощи икон они делаются предметом нашего созерцания, тем более взирающие на эти иконы возбуждаются к воспоминанию о самых первообразах, приобретают более любви к ним и получают более побуждений воздавать им лобызание, почитание и поклонение, но никак не то истинное служение, которое, по вере нашей, приличествует одному только Божественному Естеству. Они возбуждаются приносить иконам фимиам в честь их и освящать их, подобно тому как делают это и в честь изображения Честного и Животворящего Креста, святых ангелов и других священных приношений и как, по благочестивому стремлению, делалось это обыкновенно и в древности; потому что “честь, воздаваемая иконе, относится к ее первообразу” (Свт. Василий Великий «Слово о Святом Духе») и поклоняющийся иконе поклоняется ипостаси изображенного на ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.